

РѢЧЬ,

произнесенная $\frac{15}{27}$ октября 1843 г.

въ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

АЛЕКСАНДРОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

РѢЧЬ

ПО СЛУЧАЮ

РОЖДЕНІЯ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

ГОСУДАРЯ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ

НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА,

произнесенная въ торжественномъ собраніи

ИМПЕРАТОРСКАГО

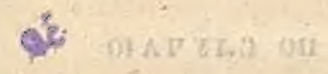
Александровскаго Университета $\frac{15}{27}$ Октября 1843 г.

Ординарнымъ Профессоромъ Я. Гротомъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ПРИВИЛЕГИРОВАННОЙ ТИПОГРАФІИ ФИШЕРА.

1843.

Изъ XXXII Т. Современника.

Когда въ 1796-мъ году родился въ Царскомъ Селѣ Августѣйшій Виновникъ нынѣшняго благоденствія Россіи, вокругъ Него какъ бы распространялось таинственное предчувствіе будущаго величія Его. Императрица Екатерина II, ни для кого невѣдомо уже приближавшаяся къ гробу, не могла нарадоваться бодрымъ Младенцемъ, котораго называла Своимъ Рыцаремъ, и Сама была Воспріемницею Его отъ купели. Геніальный Пѣвецъ славной Государыни, Державинъ, въ стихахъ на крещеніе Великаго Князя, сказалъ въ пророческомъ ясновидѣніи:

«Дитя равняется съ Царями.
По сану — исполинъ;
По благости, любови —
Полсвѣта Властелинъ:
Онъ будетъ, будетъ славенъ,
Душой Екатеринѣ равенъ!»

Когда потомъ, 1818 года, въ Кремлѣ явился на свѣтъ Первородный Сынъ Того, чье рожденіе внушило Державину эти изумляющія строки,—когда родился Государь Наслѣдникъ, тогда другой знаменитый Поэтъ, Жуковскій, произнесъ надъ драгоцѣнною колыбелью также предвозвѣстительное слово. Въ стихахъ къ Державной Матери Новорожденнаго онъ тогда сказалъ:

«Лѣта пройдутъ; Подвижникъ молодой,
Откинувши младенчества забавы,
Онъ полетитъ въ путь опыта и славы...
Да встрѣтитъ Онъ обильный честью вѣкъ!
Да славнаго участникъ славный будетъ!
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій: *«человѣкъ!»*
Жить для вѣковъ въ величіи народномъ,
Для блага *всѣхъ—Свое* позабывать;
Лишь въ голосѣ Отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла Свои читать—
Вотъ правила Царей великихъ Внуку!»

Нынѣ, когда время въ-половину уже сказало отвѣтъ Провидѣнія на эти горячія мольбы, въ которыхъ выразилась задушевная дума всего Русскаго народа,—нынѣ каждый изъ насъ въ тишинѣ конечно благословитъ за то Господа въ сей мирной сѣни, которая нечужда сердцу Высокаго Подвижника. Еще въ ту пору, когда Онъ беззаботно возрасталъ среди отроческихъ уроковъ и забавъ, нашъ Университетъ,

по неизреченной благости Монарха, имѣлъ счастіе называть Его Высочество своимъ Августѣйшимъ Канцлеромъ. Годы шли, и всѣ важнѣйшія событія въ жизни Наслѣдника Престола отзывались чистѣйшею радостію въ стѣнахъ сего древняго учрежденія. Какъ утѣшительно прибавить, что и наоборотъ всѣ его интересы всегда находили живой отголосокъ въ возмужавшемъ сердцѣ Августѣйшаго: всего убѣдительнѣе драгоцѣнное свидѣтельство благоволенія, полученное Университетомъ въ то время, когда, празднуя свой двухсотлѣтній юбилей, не могъ онъ, къ довершенію своего счастія, удостоиться лицезрѣнія Предстателя своего, бывшаго за предѣлами Отечества. Наконецъ, въ прошедшемъ году мы увидѣли самое краснорѣчивое доказательство того милостиваго вниманія, съ какимъ Его Высочество изволитъ пещись о нашемъ учрежденіи. Мы помнимъ, какою невыразимою благосклонностію Августѣйшій Канцлеръ нашъ ознаменовалъ Свое кратковременное пребываніе въ этомъ городѣ. Забудемъ ли, что и здѣсь, предъ вѣнчаннымъ изваяніемъ Благословеннаго, звучно раздался тогда голосъ юнаго Соименника Его, и глубоко запечатлѣлись благодатныя слова въ сердцѣ всѣхъ предстоявшихъ!

Принявъ столько знаковъ высокой милости отъ Августѣйшихъ Благотворителей своихъ, могъ ли Александровскій Университетъ равнодушно услышать радостную вѣсть, недавно облетѣвшую всѣ края великаго Государства? По старинному обычаю, освящен-

ному соизволеніемъ Монаршимъ, онъ поспѣшилъ установить торжественный обрядъ для всенароднаго изъявленія своихъ вѣрноподданническихъ чувствъ, и на призывный голосъ его вы стеклись сюда, Мм. Гг., чтобы съ его ощущеніями и желаніями слить свои собственныя. Счастливѣйшимъ себя считаю, что мнѣ, при этомъ вожделѣнномъ случаѣ, досталось быть изъяснителемъ того, что нынѣ наполняетъ душу всѣхъ моихъ соотечественниковъ, и предстать здѣсь среди многочисленнаго собранія, въ которомъ для немалаго числа моихъ слушателей и слушательницъ Русская рѣчь есть родная. Еще въ первый разъ удостоившись чести взойти на эту историческую каѳедру, я чувствую, какъ мало правъ имѣю на вниманіе ваше, и только высокое значеніе нашей сегоднешней бесѣды придаетъ мнѣ нѣкоторую смѣлость.

На моемъ мѣстѣ вдохновенный поэтъ умѣлъ бы языкомъ Державина и Жуковскаго привѣтствовать новую прекрасную надежду, которую Провидѣніе недавно даровало Россіи; но скромный служитель науки не осмѣлится—выступить на состязаніе съ могучими пѣвцами. День рожденія Великаго Князя Николая Александровича, 8-*е Сентября*, вызвалъ въ душѣ моей нѣсколько историческихъ воспоминаній, и они кажутся мнѣ достойными занять, на нѣсколько мгновеній, моихъ просвѣщенныхъ слушателей.

Кто не знаетъ Героя, который впервые отважился поднять мечь противъ древнихъ злодѣевъ Отечества нашего, противъ Татаръ, уже болье полутора вѣка угнетавшихъ Русскій народъ? Кто не слышалъ о битвѣ, предвозвѣстившей ему радостное освобожденіе отъ столь позорнаго ига? — Побоище Куликовское, Мм. Гг., совершилось 8-*го Сентября* 1380-го года: въ этотъ день Великій Князь Димитрій стяжалъ въ борьбѣ съ Мамаемъ безсмертное имя *Донскаго*. Куликовская побѣда была первымъ, важнѣйшимъ шагомъ Россіи къ торжеству надъ всѣми внѣшними врагами и къ нынѣшнему могуществу ея въ Европѣ. Правда, побѣда сія не избавила Руси однимъ ударомъ отъ владычества Золотой Орды: воспаленные местію за пораженіе свое, Татары еще сто лѣтъ держали народъ нашъ въ оковахъ; — но битва при-Донская убѣдила его, что онъ еще можетъ противоборствовать страшнымъ утѣснителямъ; свѣтлая надежда вновь окрылила падшій духъ его; имя Куликовскаго побоища сдѣлалось для Русскихъ лозунгомъ побѣды и оставалось лучшимъ преданіемъ народной славы до самыхъ дней Петра Великаго, до битвы Полтавской.

Петръ Великій, Полтава! — — эти громкія имена приводятъ насъ, Мм. Гг., къ другому не менѣе славному для Россіи поприщу брани. Давно уже она свергла съ себя иго рабства, но у нея оставались еще опасные, нерѣдко побѣдоносные враги — ея сосѣды на западъ, Шведы и Поляки. Геній Петра

Великаго впервые постигъ, что причиною неудачь Россіи въ состязаніи съ ними было замедлившееся въ ней развитіе народныхъ силъ, что для быстрѣйшихъ успѣховъ на семъ пути ей необходима тѣснѣйшая связь съ Европою, а первое къ тому условіе — пріобрѣтеніе береговъ Балтійскаго моря. Тогда началась вѣковая борьба между Россіею и Швеціею, борьба, которая могла кончиться только рѣшеніемъ вопроса: кому быть обладателемъ Остзейскихъ губерній и Финляндіи? — Провидѣніе даровало намъ счастіе жить въ такое время, когда вопросъ этотъ уже рѣшенъ навсегда, когда Финляндія, бывъ столько вѣковъ злополучною жертвою неизбѣжнаго кровопролитія, наконецъ ожила отъ своихъ долговременныхъ страданій, и уже начинаетъ обильно вкушать благодатные плоды мира. И она благословляетъ жребій свой подъ кроткимъ скипетромъ Русскаго Царя: ея сыны не хотятъ уступить кореннымъ сынамъ Россіи въ пламенной преданности и въ усердной службѣ Престолу; Русскіе уже дома въ Финляндіи; они умѣютъ цѣнить ея древніе, прекрасные уставы, умѣютъ быть признательными ей за гостепріимный кровъ среди ея скалъ, — умѣютъ отдавать справедливость всѣмъ добрымъ качествамъ ея жителей. Уже завязалось прочное братство обѣихъ разноплеменныхъ націй въ просторномъ домѣ общаго Вѣнценоснаго Отца. Въ успѣхахъ промышленности уже и для Финляндіи зиждется основаніе народнаго богатства. По зарею столь счастливыхъ перемѣнъ

было пламя, въ 1709 году вспыхнувшее на поляхъ Полтавскихъ. Чудно было шествіе Петра Великаго съ этихъ лавроносныхъ *для* него полей въ новосозидавшійся городъ Невскій, котораго существованіе собственное теперь только было рѣшено, которому жребій той битвы опредѣлилъ назваться вскорѣ столицею величайшей въ мірѣ *Имперіи*. Съ какимъ благоговѣніемъ теперь вся Европа обратила изумленные взоры на Царя-героя! Еще онъ былъ на пути въ свой возлюбленный Петербургъ, а Послы иноземные уже спѣшили къ нему съ дружественными изъявленіями. Такъ, во время 12-ти-дневнаго пребыванія Его въ городѣ Сольцѣ на рѣкѣ Вислѣ, гдѣ Побѣдитель Карла XII-го остановился *для* постройки нѣсколькихъ кораблей, прибылъ туда Посолъ Короля Прусскаго для поздравленія Его Царскаго Величества съ торжествомъ подъ Полтавою и *для* предложенія Ему личнаго свиданія съ Королемъ. День, когда явился къ Петру Великому Представитель Двора, который нѣкогда долженъ былъ соединиться столь тѣсными узами дружбы и родства съ Русскимъ Императорскимъ Домомъ, день этотъ былъ 8-*е Сентября* достопамятнаго 1709 года.

Черезъ сто лѣтъ послѣ побѣды, прославившей этотъ годъ, *первые дни Сентября* ознаменовались тѣмъ важнѣйшимъ для всего Сѣвера событіемъ, которое было собственно заключеніемъ дня Полтавскаго, вѣнцомъ боевыхъ трудовъ Петра, печатью

созданія Петербурга, послѣднимъ дѣйствіемъ и развязкою кровавой драмы, которой сценою была Финляндія: я разумѣю *мирный трактатъ Фридрихсгамскій*. По прихотливой игрѣ случая въ *первые же дни Сентября мѣсяца* совершились нѣкоторые замѣчательные подвиги Русскихъ въ войнахъ Финляндскихъ. Таковы были: въ 1710 году взятіе Кексгольма *, въ 1741-мъ побѣда Русскихъ при Вильманштрандѣ, въ 1742-мъ побѣда ихъ при Гельзингфорсѣ.

Выдерживая борьбу съ Швеціею, Россія въ то же время неразъ принуждена была обуздывать еще и другаго, стариннаго врага своего на Западѣ, Поляковъ. При мысли объ ударахъ, нанесенныхъ гибельному буйству ихъ мощною рукою Екатерины II, можемъ ли забыть, что первымъ рѣшительнымъ торжествомъ ея въ Варшавѣ было провозглашеніе Королемъ Польскимъ Графа Станислава Понятовскаго 8-го *Сентября* 1764-го года?

Одолѣвъ наконецъ непріязненныхъ сосѣдовъ своихъ, широко раздвинувъ и округливъ свои предѣлы, твердо и величественно стояла Россія подъ миролюбивымъ скипетромъ Александра, какъ вдругъ на равнины ея низринулась вся Западная Европа, ведомая грознымъ Завоевателемъ, чтобы сокрушить Исполина восточнаго. Тогда спасенію Отечества принесена

* 8-го же Сентября.

была великая, безпримѣрная жертва народная: запылала Москва! Какое дивное зрѣлище Россія представляла человѣчеству тридцать одинъ годъ тому назадъ! Народъ, пылая священною местію за поруганные алтари свои, тысячами стекался подъ знамена ратныя; съ трона слышался утѣшительный, пророческій голосъ о близкомъ торжествѣ Отечества и правды. Вотъ что говорилъ тогда Благословенный подданнымъ Своимъ: «Всякое наносимое намъ врагами зло и вредъ обратятся напослѣдокъ на главу ихъ... Не прославится ли тотъ народъ, который, перенеся всѣ неизбѣжныя съ войною разоренія, наконецъ терпѣливостію и мужествомъ своимъ достигнетъ до того, что не токмо пріобрѣтетъ самъ себѣ прочное и ненарушимое спокойствіе, но и другимъ Державамъ доставитъ оное?.. Пріятно и свойственно доброму народу за зло воздавать добромъ.» Вѣчнопамятныя, священныя слова! Они произнесены *8-го Сентября* 1812-*го года* въ обнародованномъ тогда объявленіи о занятіи Москвы непріятелемъ.

Того же числа, десятью годами ранѣе, будущій Спаситель Отечества и Европы, исполняя на лонѣ мира святой обѣтъ, данный Имъ при восшествіи на Престолъ, обѣтъ «вознести Россію на верхъ славы» — Александръ положилъ основаніе одному изъ прекраснѣйшихъ памятниковъ Своего царствованія: Манифестомъ *8-го Сентября* 1802 года учреждены въ Россіи Министерства, и съ той поры какъ пра-

вильно, какъ равномѣрно движутся колеса сложной машины государственной!

Таковы, Мм. Гг., важнѣйшія событія минувшаго, памятью связуемыя съ днемъ, который мы празднуемъ. Къ нимъ присоединяется еще одно, болѣе свѣжее воспоминаніе. Въ одно ясное осеннее утро 1840-го года вся Столица Невская пробудилась въ радостномъ, нетерпѣливомъ ожиданіи, и скоро улицы и площади закипѣли густыми толпами народа. Войска предъ стѣною зданій воздвиглись новою, сверкающею стѣной; все предвѣщало какое-то необычайное торжество. И вдругъ раздался звонъ колоколовъ, загремѣли пушки, поднялся радостный гулъ привѣтствій народа и войска — — въ С. Петербургъ торжественно въѣзжала, въ кругу всего Императорскаго Семейства, Высоконареченная Невѣста Государя Наслѣдника, Ея Высочество Принцесса Марія Гессенъ-Дармштадская, сопровождаемая тысячами ликовавшихъ жителей; изъ тихаго міра владѣтельной фамиліи Германской, прекрасная Избранница Наслѣдника Россіи притекала въ великолѣпнѣйшую Столицу, готовясь вступить на обширнѣйшее, блистательнѣйшее поприще добродѣтелей Супруги и Матери!... То незабвенное утро было также 8-*го Сентября*. Кто предвидѣлъ тогда, что, ровно черезъ три года, въ тѣ же часы громъ пушекъ возвѣститъ той же Столицѣ осуществленіе прекраснѣйшихъ надеждъ, сливавшихся съ тогдашнимъ празднествомъ, — со-

бытіе, столь же, какъ оно, многозначительное и счастливое для всей Имперіи!

И такъ день, недавно получившій для насъ новое знаменованіе, былъ всегда какъ бы однимъ изъ любимыхъ дней тайнаго Генія - Хранителя Россіи, и все то, что въ лѣтописяхъ ея отмѣчено этимъ днемъ, вѣнчалось постоянно самымъ благополучнымъ концомъ, приносило по-очереди самые вожделѣнные плоды. Сердце суевѣрно: позволимъ ему изъ сего свидѣтельства минувшихъ лѣтъ заимствовать новую опору для надеждъ его въ грядущемъ! — —

Въ славномъ возрастѣ Русской Державы Ты пріялъ жизнь, юнѣйшій Отпрыскъ знаменитаго Дома Романовыхъ! Нѣтъ въ мірѣ Престола выше и свѣтозарнѣе того, подъ сѣнью котораго стоитъ порфироносная колыбель Твоя! Нѣтъ въ мірѣ Царства обширнѣе и могущественнѣе Твоего Отечества! Нѣтъ въ мірѣ народа доблестнѣе и счастливѣе Русскихъ! И со всѣхъ концовъ своей широкой земли этотъ добрый народъ съ любовію и съ упованіемъ подъемлетъ нынѣ взоры къ свѣтлой колыбели Твоей: въ ней лежитъ грядущее Россіи, лежитъ въ пеленахъ Судьба поколѣній, еще не рожденныхъ, но не чуждыхъ намъ, ибо насъ они нарекутъ именемъ своихъ дѣдовъ... Глядятъ на Тебя сонмы племенъ, новорожденный Внукъ Государя нашего! Но въ твоихъ очахъ еще не сіяетъ улыбки отвѣтной; еще блескъ, Тебя

окружающій, долго будетъ тайною для юной души Твоей. О, да хранитъ Тебя благое Провидѣніе! да поставитъ Оно при Тебѣ незримаго стража, онъ же и въ бдѣніи и въ покоѣ Твоемъ да блюдетъ недремлющимъ окомъ и жизнь Твою и здравіе и чистоту душевную! Среди тяжкихъ заботъ державства будь новою утѣхою сердцу Вѣнценоснаго Дѣда; цвѣти и возрастай на радость Августѣйшаго Родителя и Высокія Матери и всего пресвѣтлаго Императорскаго Дома! Когда же быстрые годы принесутъ Тебѣ самосознаніе, и разумъ Твой созрѣетъ и сердце научится любить—да постигнешь Ты сердцемъ и разумомъ все неизмѣримое величіе Своего призванія! Созерцая могущество, Небомъ Тебѣ пріуготовляемое, да возрадуешься всего болѣе мыслію о томъ благѣ, какое изъ длани Твоей можетъ излиться на человѣчество! Тогда Ты оправдаешь Твое драгоцѣнное для Русскихъ имя, и дѣла Твои составятъ нѣкогда столь же славныя воспоминанія, какъ тѣ, которыя нынѣ, съ именами величайшихъ Государей нашихъ, соединились въ чистосердечномъ привѣтѣ зарѣ жизни Твоей! и самый день Твоего рожденія неизгладимо запишется на страницахъ Исторіи, въ признательной памяти отдаленнаго потомства!

Мм. Гг! Въ храмѣ Божіемъ мы уже принесли благодареніе Всевышнему за новое знаменованіе благости Его къ Отечеству; но да не удалимся и отсюда, не обративъ напередъ сердецъ нашихъ и мыс-

лей къ Верховному Владыкѣ Царей и народовъ. Призовемъ святое благословеніе Его на пріумноженный Императорскій Домъ! Здѣсь, надъ сею каѳедрою, высится величественное изваяніе первоначальнаго Благотворителя Финляндіи и Университета ея. Но при видѣ увѣнчанной лавромъ главы Его, не возникаетъ ли рядомъ съ нею въ сердцѣ каждаго и священный образъ Того, Кто могущимъ словомъ воздвигъ изъ пепла этотъ чудный храмъ науки, но—забывъ Свой подвигъ — великодушно водворилъ здѣсь драгоцѣнное имя и ликъ усопшаго Брата Своего!.. Даруй, Господи, Отечеству нашему счастіе еще многія лѣта процвѣтать подъ спасительною Державою мудраго Императора! Да преуспѣваетъ еще долго просвѣщеніе Россіи подъ сѣнію Его благотворной власти! да продлятся и для Александровскаго Университета лучшіе годы его подъ покровомъ милости Монарха, подъ управленіемъ Августѣйшаго Сына Его!

